

Научная статья

УДК 81'371+81'42

DOI 10.17223/18137083/91/15

**Референциальные статусы субъекта
и временная нелокализованность в русских пословицах:
особенности взаимодействия**

Светлана Ивановна Первунина

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

pervuninas@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-6664-8128>

Аннотация

Исследуются особенности взаимодействия референциальных статусов субъектов и ситуации временной нелокализованности в русских пословицах. Установлено соотношение универсального и родового статусов субъектов с типом временной нелокализованности (вневременностью), а также с некоторыми ее разновидностями (с ситуациями вне временно-потенциальными, облигаторной квалитативности, а также квалитативно-потенциальными и др.), имеющими свою специфику в пословицах. В пределах универсального и родового типа зафиксировано внутреннее ранжирование субъектов, реализующееся при участии разных способов выражения лица, а также взаимодействия / координации с типом временной нелокализованности. Выявлены переходные случаи в референциальном ранжировании субъектов, характеризующиеся расширением / сужением границ родового и универсального статусов.

Ключевые слова

референция, русские пословицы, референциальные статусы субъектов, временная нелокализованность, вневременность

Для цитирования

Первунина С. И. Референциальные статусы субъекта и временная нелокализованность в русских пословицах: особенности взаимодействия // Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 191–204. DOI 10.17223/18137083/91/15

**Referential statuses of a subject and temporal non-localization
in Russian proverbs: peculiarities of interaction**

Svetlana I. Pervunina

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

pervuninas@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0002-6664-8128>

Abstract

The paper investigates the interaction between referential statuses among subjects within the temporally static contexts characteristic of proverbs. The objective is to delineate and eluci-

© Первунина С. И., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 2. С. 191–204
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 2, pp. 191–204

date the particular characteristics of the relationship between a form of temporal non-localization known as supertemporality and referential ranking of subjects in Russian proverbial expressions. The source material for this study consists of proverbs drawn from the collection of Vladimir Dal. A categorically oriented situational analysis of proverbs reveals the interplay between their supertemporal aspect and the universal/generic status of their subjects. The characterization of typical situations within proverbs with the universal status of the subject is found to be achieved through distinct structural means: discrete constructions (two-part sentences with pronouns such as “everyone” or “nobody,” and others) and non-discrete constructions (single-part sentences and others). The cases of incomplete coverage of the subjects, classified as universal, within conditional constructions are noted. The attribution of generic status to subjects within the supertemporal aspect, together with the expansion of characteristics to specific groups of individuals (gender, age, social class, nationality, and others), is considered reasonable. The analysis not only examines the basic type but also investigated the adaptability of class boundaries, taking into account conditional indicators and the usage of pronouns, particles, and other relevant elements. A correlation is identified between the referential status of subjects and certain forms of supertemporality. The universal status correlates with the potential timelessness of intended actions, while the generic status correlates with situations of obligatory and potential qualitativity.

Keywords

reference, Russian proverbs, referential types of subjects, temporal non-localization, supertemporality

For citation

Pervunina S. I. Referential statuses of a subject and temporal non-localization in Russian proverbs: peculiarities of interaction. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 2, pp. 191–204. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/91/15

Введение

Статья посвящена изучению особенностей проявления референциальных статусов субъектов в ситуации временной нелокализации (вневременности) в русских пословицах, таких как: *Без шапки стоя, много не наговоришь; Захотят булавок, так будут у наших лавок; Гость гостит – не житья смотрит.*

Актуальность исследования обусловлена его включенностью в проблематику функциональной грамматики и теории референции, изучением взаимодействия временной нелокализации (далее – ВНЛ) и референциального статуса субъекта, которые находятся в сфере постоянного внимания современных лингвистов (А. В. Бондарко [2017], Т. В. Булыгина [1982], И. Н. Смирнов [2008] и др.). Однако в центре изучения в этих работах находится категория ВНЛ, а референциальные свойства субъекта выполняют вспомогательную функцию, конкретизируя ее типы / подтипы (узуальности, вневременности; полной / неполной обобщенности и пр.). Не менее существенным кажется выбор другого вектора исследования: влияние ВНЛ, типа текста на ранжирование референциального статуса субъекта. Такой подход важен при изучении референциальных механизмов в пословицах, так как пословичные тексты часто квалифицируют единообразно как обладающие не только вневременностью, но и универсальным рангом субъекта. Вместе с тем существуют работы, фиксирующие разную степень обобщенности субъекта в пословичных высказываниях (см., например, [Фролова, 2007; Кацюба, 2018]), но в них не учитывается взаимосвязь между рангами субъекта и типом ВНЛ действия.

Специфика референциальной характеристики пословичных текстов требует учета ряда факторов, помимо заложенного в самом тексте: характеристики осо-

бенностей номинации субъекта, восстановления его референциального статуса по типу предиката и его распространителей, а также взаимодействия с ВНЛ. Всё это позволяет говорить о необходимости рассмотреть сложную систему референциальных характеристик пословиц. Важным является установление переходных случаев в референциальном ранжировании субъектов, зависящих от уточнения разновидностей ситуации ВНЛ.

Цель исследования – выявить и охарактеризовать особенности взаимодействия одного из типов временной нелокализованности – вневременности – и референциального ранжирования субъектов в русских пословицах.

Исследование базируется на теории категориальных ситуаций, разработанной А. В. Бондарко [2011], теории референции (типологии референции имен / именных групп Н. Д. Арутюновой [1999], Е. В. Падучевой [2010], Т. В. Бульгиной [1982], А. Д. Шмелева [2002], L. Linsky [1967] и др.), на исследованиях, анализирующих пословицы как особый тип текста, Н. А. Дьячковой [2001], О. Е. Фроловой [2007], Л. Б. Кацюбы [2018] и др.

Языковым материалом послужили пословицы из сборника В. И. Даля (около 3 000 текстов).

В фокусе внимания находятся пословицы, характеризующие человека. Для настоящего исследования выбраны тексты с личными формами глаголов, обладающие разной структурной организацией (простые и сложные предложения). Рассматриваются высказывания, где в качестве семантического субъекта, или носителя предикативного признака (по А. В. Бондарко [1992]), выступает имеющий разные способы репрезентации: дискретный, представленный отдельной словоформой; недискретный, т. е. «совмещенный с формой предиката» [Там же, с. 55], реализующийся в обобщенно-личных и неопределенно-личных конструкциях. Кроме того, в пословицах недискретные субъекты характерны и для так называемых неполных предложений (*Рубль **наживает**, а два **проживает***).

Под ВНЛ вслед за А. В. Бондарко понимается семантическая категория, характеризующая «неопределенность местоположения действия и ситуации в целом на временной оси» [Бондарко, 2017, с. 163], в пределах которой выделяются: неограниченная повторяемость, обычность (узуальность) и временная обобщенность («вневременность», «всевременность»), при этом характеристика типов связана с определенным референциальным статусом субъекта и объекта, указывается, что для временной обобщенности типична «сочетаемость с обобщенностью (генерализацией) субъекта и объекта» [Там же, с. 210].

В данной работе сосредоточимся на одном из типов ВНЛ – временной обобщенности (вневременности, по И. Н. Смирнову [2008]). В ходе исследования учитываются подтипы вневременных ситуаций (облигаторной квалитативности, вневременно-потенциальных, а также их разновидности), для которых, по мнению И. Н. Смирнова, характерен универсальный тип субъекта. Анализ пословичного материала показал, что в сфере вневременности могут встречаться субъекты, относящиеся не только к универсальному статусу, но и к родовому, а кроме того, можно проследить понижение / повышение ранга в пределах того или иного типа, обусловленное влиянием ВНЛ.

Итак, рассмотрим влияние ВНЛ на определение референциальных статусов субъектов: универсального и родового.

1. Универсальный референциальный статус субъектов и его взаимодействие с ситуациями вневременности в пословицах

Под универсальным типом референции Е. В. Падучева понимает соотнесение имени с открытым, неограниченным множеством лиц, а родовой тип референции предполагает соотнесенность с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным [Падучева, 2010, с. 95–98].

Субъекты с универсальным рангом, как отмечалось ранее, взаимодействуют с вневременностью, однако более детальный анализ позволяет выявить их неоднородность в пословичных текстах.

Было установлено, что в пределах универсального статуса субъекта можно наметить внутреннее ранжирование ситуаций, которое зависит от того, распространяется ли эта ситуация на всех без исключения или только на любого из тех, кто выполняет / не выполняет определенное условие.

1.1. Универсальный референциальный статус субъекта в ситуациях, не ограниченных какими-либо условиями реализации

Базовой, канонической ситуацией, передающей наивысшую степень обобщения субъектов в пословицах, для которых характерна вневременность, можно считать такую, в которой отсутствуют какие-либо условия ее реализации: *Всякий на свою ногу храмлет; Стой заодно, а беги врознь; Клин клином выколачивают* и др. В приведенных примерах действие, совершаемое субъектом, распространяется на всех (без исключения) членов класса всегда, независимо от каких-либо обстоятельств / условий.

Субъекты в данном типе ситуаций в целом обладают однородной референциальной характеристикой, однако выявлена некоторая специфика, связанная со способом их выражения: дискретным и недискретным.

В качестве **дискретных** субъектов в этом случае для номинации лица используются нарицательное существительное *человек*, кванторные местоимения *всякий / всяк, все, никто* в позиции подлежащего¹, реже – именная группа типа *всякий человек*², которые обладают идентичными референциальными возможностями.

Так, например, в текстах *Скорбит человек по человеку; Родится человек на смерть, а умрет на живот* субъект действия выражен именем *человек*, экстенционалом которого выступает предельно неограниченное множество лиц (т. е. все люди), а действия, которые они совершают, приписываются всем / любому без исключения.

В пословицах, где субъектами выступают кванторные местоимения (*любой, всяк, никто* и пр.), наблюдается такая же закономерность реализации референци-

¹ В пословицах с глагольными формами представлен не весь спектр кванторов: наиболее частотны *всякий / всяк, никто*; практически не встречаются *каждый, любой*; ограничено употребление у местоимения *все* – выявлены единичные случаи, где оно выступает как субстантиват, т. е. люди (*Все говорят, что по суду один будет виноват*), чаще выступает как квантор при местоимении *мы* (*Все мы под богом ходим*).

² Другой тип именной группы, одним из элементов которой выступает кванторный определитель / лексема *человек*: *всякая слепая, всяк хозяин, добрый человек, злой человек* и пр., передает родовой тип референции и не рассматривается в рамках универсального статуса.

ального статуса лица, в том числе и потому, что референтом данных кванторов выступает человек: *Всяк свое хвалит* → *Всякий* (человек) *свое хвалит*; *Никто с собой ночлега не возит* → *Никто* (ни один человек) *с собой ночлега не возит*, ср. с текстом, где субъектом является именная группа: *Всякий человек вперед смотрит* → *Всякий вперед смотрит*.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что лексема *человек* и кванторы всеобщности *всяк / никто*, выступающие в роли субъектов, указывают на полноту охвата участников ситуации, а осуществляемое ими действие квалифицируется как всеобщее.

В случае с **недискретным** субъектом его референциальная характеристика опирается на семантический тип предиката и его взаимодействие с другими компонентами высказывания (объектом и другими распространителями) в синтагматическом ряду. Подробнее об этом говорится в нашей работе [Первунина, 2024а], а здесь отметим только некоторые моменты.

Наивысший уровень обобщения субъектов в пословицах фиксируется в следующих случаях: 1) подразумеваемый субъект выполняет действия, называемые широкозначными глаголами (*быть, делать* и пр.) или глаголами, действия которых представляют базовые потребности человека и выполняются каждым членом неограниченного класса (*есть, пить, дышать, смотреть* и пр.): *Делай дело не по концев пальцев!*; *И поят, и кормят, и спину порют*; 2) объектом при подобных предикатах может выступать квантор всеобщности (*всякий, никто*) или абстрактное существительное (*добро, счастье, любовь* и пр.): *Зарубай, сглаживай, да никому не сказывай!*; *Добро помни, а зло забывай*; 3) распространители (как правило, наречия) не влияют на степень обобщенности субъектов, уточняя параметры производимых ими действий (степень проявления признака: *добрее, больше*; место: *сзади, дома*; направлению *вперед, назад* и пр.): *Иди вперед, а оглядывайся назад*; *Служат соборно, а едят подворно*.

Итак, референциальный статус субъектов в рассматриваемых пословицах квалифицируется нами как наивысший (универсальный).

Если говорить о подтипе вневременности, выделяемом не по степени обобщенности субъекта, а по семантике, передаваемой ситуациями ВНЛ, то в данном разделе все высказывания соотносятся с вневременно-потенциальными ситуациями предназначенного действия, поскольку репрезентируют «...обязательное выполнение названных действий всеми субъектами, составляющими естественный класс (люди)» [Смирнов, 2008, с. 136]. В данный подтип включаются и прескриптивные конструкции / характеристика невозможности выполнения действия, эти же разновидности вневременности могут встречаться и в ситуациях обусловленности.

1.2. Универсальный референциальный статус субъекта в ситуациях, ограниченных какими-либо условиями реализации

Референциальной особенностью рассматриваемых здесь субъектов является то, что, с одной стороны, они сохраняют универсальный статус, а с другой – имеют определенные ограничения.

При сохранении универсального статуса субъекта, определяемого семантическим типом предиката, количество лиц, иницирующих называемое действие, сокращается, вследствие того что не все могут участвовать в подобной ситуации: *Съешь и ржаного, коли нет никакого* → Тот (любой), кто не обладает лучшим

(условие реализации ситуации), будет довольствоваться тем, что имеет; *Сзади идешь – больше найдешь* → Тот (любой), кто следует за первопроходцем (условие), получает больше пользы; *Не сняв коры, дерева не узнаешь* → Тот (любой), кто не произведет определенных манипуляций над объектом (условие), не узнает его сущности. Важной особенностью такого типа высказываний является то, что субъект, выбирая ту или иную ситуацию, совершает осознанные действия, которые представлены глаголами с семантикой контролируемости.

Необходимо отметить, что данный способ понижения ранга субъектов характерен главным образом для недискретных субъектов и гораздо реже встречается у дискретных, причем с некоторым отличием (см. далее).

В пословицах с **недискретными** субъектами условие реализации ситуации осуществляется с опорой на структурно-семантическую принадлежность данных текстов.

В пословицах, имеющих структуру сложного предложения, для ограничения класса субъектов используются конструкции обусловленности (сложноподчиненные и бессоюзные предложения), выражающие условные / условно-следственные и уступительные отношения, а также некоторые предложения с временным значением: (а) *Не вороши, коли палки не хороши*; *Больше дерутся, так смирнее живут*; (б) *За недобрым пойдешь, на худо набредешь*; *Тише едешь – дальше будешь*; (в) *Как ни мойся, белее снега не будешь*; *Как ни мостись, а на небо (а к богу) не влезешь*; (г) *Не считай утят, пока не вылупились*.

Степень экспликации семантики условия в приведенной группе примеров имеет отличия. Так, высказывания (а, б) отчетливо демонстрируют снижение ранга обобщения субъектов (возможность / невозможность осуществления действия тем или иным субъектом зависит от определенных условий, в том числе и временного параметра). Что касается пословиц с отношениями уступки (б), ср. также: *Как себя не поведешь, от напраслины не уйдешь*; *Бойся не бойся, а без року нет смерти*, то в такую ситуацию попадают не все потенциальные субъекты, а те из них, которые, несмотря на сильный контраргумент (*как ни мойся, как ни вари* и пр.), продолжают выполнять это действие, остальные же остаются за пределами намеченной группы.

Из всех перечисленных способов экспликации семантики условия осуществления действия наиболее частотными являются условные конструкции, которые встречаются не только в сложных, но и в простых предложениях.

Условие в структурно простом предложении выражают конструкции, которые включают деепричастные обороты: *Не учась (условие реализации ситуации), и лаптя не сплетишь* → Если человек не учится, то не сможет сделать самое простое дело; *Назвавшись груздем (условие), полезай в кузов!*; предложно-падежные формы существительного: *Без труда (условие) не вынешь и рыбку из пруда*; *По первому зову (условие) в гости не ездят*; наречия: *Знамо (условие) не крадут*; *Умеючи (условие) и ведьму бьют*. Данные примеры показывают, что класс субъектов остается открытым, но включаются в него не все лица, а только те, кто намеренно совершает / не совершает определенные действия.

Особое место с точки зрения реализации условной семантики занимают сложные конструкции с **дискретными** субъектами, которые содержат отрицание и / или противопоставление, актуализирующие скрытое условие: *Не всякий умирает, кто хворает* (скрытое условие) → Даже если человек хворает, то не всякий (из тех, кто хворает) умирает; *Всякий водит* (скрытое условие), *да не всякий доводит* → Не всякий доводит, даже если водит. В данных примерах степень обоб-

ценности субъектов снижается, поскольку условие, выполняемое субъектами, автоматически сокращает количество деятелей до неопределенной группы лиц (*всякий* → *не всякий*).

Проведенный анализ позволяет установить, что выделенные И. Н. Смирновым [2008] разновидности гномичности (предназначенного действия, невозможности действия) встречаются и в рассмотренном типе ситуаций обусловленности. В этом случае при снижении ранга субъектов сохраняется их общий референциальный статус, а также их корреляция с вневременностью.

Таким образом, в пределах универсального (наивысшего) референциального статуса субъектов выявлена некоторая неоднородность: помимо субъектов с генерализованным уровнем обобщения (действия которых квалифицируются как всеобщие) выявлена область понижения обобщенности субъектов, в этом случае действие совершают не все люди, а любой / каждый, кто выполняет / не выполняет заданное в высказывании условие.

2. Родовой референциальный статус субъектов и его взаимодействие с ситуациями вневременности

Родовой референциальный тип субъектов, как было отмечено ранее, соотносится исследователями с узуальной зоной ВНЛ [Бондарко, 2017; Смирнов, 2008]. Однако такое утверждение представляется верным для обычных высказываний, в которых действия, совершаемые разными групповыми субъектами (определенно-групповым, общегрупповым и пр.), тем не менее поддерживают «соотнесенность действия с временной осью» [Смирнов, 2008, с. 138], что нехарактерно для пословичных текстов.

Исследование показало, что родовые субъекты в пословицах взаимодействуют со сферой вневременности и обладают разным референциальным потенциалом: типичным родовым обобщением, а также в пределах данного типа наблюдается сужение и расширение базового охвата референции субъектов.

2.1. Типичный родовой референциальный статус субъекта в ситуациях вневременности

Типичным родовым статусом, как уже было описано в работе [Первунина, 2024б], обладают субъекты как с дискретной, так и с недискретной формой представления: (а) *Богач друга не узнает; Сидит Елеся, ноги свеся*; (б) *Дома сидит, ни на кого не глядит; Говорит, как спит* – в данных пословицах субъекты передают родовой тип обобщения, поскольку являются типичными представителями определенной группы.

В пословицах типа (а) родовое обобщение субъектов представлено разными семантическими группами (по личностным и интеллектуальным качествам – *мудрый, знайка*; внешним данным – *красавица, худой*; социальному статусу – *царь, купец* и мн. др.), включающими не только нарицательные существительные (в том числе и субстантивы), но и имена собственные (*Елеся, Мария*), личные местоимения (*он, она*), близкие по своим референциальным свойствам номинации родового класса. Сюда же относятся сочетания, в состав которых входят: кванторное слово и родовая номинация (*всякий мастер, всяк подъячий* и пр.), а также определитель и лексема *человек* (*русский человек, добрый человек* и пр.).

Недискретно выраженные субъекты (б) также передают значение общеродовой семантики: *Чайничает да бражничает* (о лентяях); *Ходит франтом: сапоги с рантом* (о модниках) и др. Качественная характеристика субъектов в этих текстах осуществляется по семантическому типу предиката и его взаимодействию с другими компонентами текста, однако в отличие от идентичного механизма, используемого для актуализации универсального статуса, в данном случае предикаты передают не «всеобщие» действия, а характерные для ограниченной группы лиц (как правило, по личностным качествам – домоседы, недоброжелатели, жадные и мн. др.).

У ряда недискретных субъектов выявлена специфическая особенность, несколько меняющая ракурс рассмотрения вневременности, в которой, по мнению И. Н. Смирнова [2008, с. 121], отсутствуют пространственные ограничения. В данном случае экспликация родового статуса субъектов реализуется посредством локатива, формально выступающего пространственным ограничителем, а референциально указывающего на родовой тип субъекта: *Не плачут в Рязани по псковскому недороду* → Жители Рязани не плачут по псковскому недороду; *Во Ржеве и в горшке крестят* → Жители Ржева и в горшке крестят. В таких случаях локатив указывает на группу субъектов (жители Ржева, Рязани), а предикат передает типичное для людей этой местности поведение.

Все рассмотренные пословицы включаются в ситуации облигаторной качественности, поскольку в них актуализируется сема ВНЛ, а предикат выражает постоянные свойства субъекта (как представителя определенного класса). В эту разновидность ситуаций в пословицах также включаются предложения с глагольной формой 3 л. ед. ч., которые обычно квалифицируются как неполные (см. б).

2.2. Референциальное ранжирование родового статуса субъекта в ситуациях вневременности

Помимо рассмотренного обычного родового статуса, характерного как для дискретных, так и для недискретных субъектов, были выделены разновидности понижения и повышения ранга родового типа, которое касается только **дискретно выраженных субъектов**.

Сужение референциальной отнесенности имени, как и у субъектов с универсальным статусом, фиксируется в высказываниях, содержащих условие. Особенностью этого условия является то, что оно служит основанием квалификации некоторой части субъектов внутри общей родовой группы (по профессиональным, личностным качествам, гендерно-возрастным параметрам, национальной принадлежности и пр.).

Выражение условия может осуществляться при помощи как общеязыковых средств обусловленности, так и специфических, характерных для пословиц.

В качестве общеязыковых средств выступают сложноподчиненные и бессоюзные предложения, передающие условно-следственные и – реже – временные отношения: *Сын запоет – и отец не уймет* → Если сын запоет (условие), то отец не уймет; *Сосед не захочет, так и миру не будет* → Если сосед не захочет (условие), так и миру не будет. Субъектами в таких пословицах выступают главным образом представители реляционного класса (по А. Д. Шмелеву [2002]). В простом предложении также можно выделить средства выражения условия, например, предложно-падежными формами: *Немец без шутки с лавки не свалится* → Если не пошутит (условие), то немец не свалится с лавки.

Установлено, что в конструкциях обусловленности в зависимости от количества представленных в них субъектов ограничение охвата референции субъектов реализуется по-разному. На этом основании выделено два подтипа ситуаций: с одним / с двумя субъектами.

В пословицах *с одним субъектом* условие для реализации действия инициирует то же лицо, которое его выполняет: *Хозяин не заплачет – гостей не разжалобит* → Если хозяин не заплачет (условие), то гостей не разжалобит. В данном примере номинация *хозяин* относится к реляционному классу, снижение ранга происходит за счет того, что из всего класса вычленяются только те его представители, которые выполняют указанное условие. Субъекты данного подтипа, как и в ситуациях с универсальным статусом субъектов, совершают контролируемые действия, т. е. самостоятельно создают описанную в высказывании ситуацию.

В высказываниях *с двумя субъектами* принцип реализации условия несколько иной. В этом подтипе наблюдается взаимозависимость свойств / действий одного субъекта от другого: *Жена верховодит, так муж по соседям ходит* → Если жена верховодит, то муж по соседям ходит; *Дитя не заплачет – мать не понимает*. Важной особенностью таких пословиц является то, что субъекты в них обладают разным уровнем контроля: под контролем одного субъекта, совершаются действия второго, т. е. создают ситуацию *жена / дитя*, а попадают в нее *муж / мать*, совершающие «подконтрольные» действия. Снижение референции субъектов выявляется именно у последних.

Особо следует выделить действующие в пословицах специфические средства выражения условия (функционирующие, как правило, в простых предложениях), в роли которых выступают присубъектные определители (*старый муж, умный детина* и пр.), которые выполняют функцию включенного предиката, по Н. А. Дьячковой (см. подробнее [Дьячкова, 2001, с. 131–177]): *Добрый (условие) портной с запасом шьет* → Если портной добрый (хороший), то он с запасом шьет.

В конструкциях, где субъект представлен именной группой (*добрая кума, старый муж* и пр.), условие осуществления действия передает определитель (или включенный предикат): *Злая жена сведет мужа с ума* → Если жена злая (условие), то она сведет мужа с ума; *Запасливый гость без ложки не ходит* → Если гость запасливый (условие), то без ложки не ходит. В данных примерах осуществляемое субъектом действие детерминировано его характеристикой, следовательно, субъект с другим качеством / свойством будет вести себя совершенно другим образом (если жена добрая, то ее действия по отношению к мужу будут другими). Отметим, что определитель с семантикой состояния (*сытый, пьяный* и пр.) еще больше сужает референциальный охват субъекта, поскольку актуализирует его не постоянные (как в случае со значением качества), а временные признаки: *Пуганный француз и от козы бежит* → Когда француз испуган, тогда он бежит даже от козы; *Голодный (человек) и в портках хлеба украдет* → Когда человек голодный, тогда он украдет. Действия субъектов в данных пословицах продиктованы их состоянием, что указывает на неустойчивую в аспекте времени характеристику лиц. Рассматриваемый механизм снижения родового обобщения субъектов отличается от функционирующего в пределах универсального статуса тем, что в данном случае субъект не управляет ситуацией, т. е. не совершает намеренные, контролируемые действия для выполнения / невыполнения условия (как субъекты с универсальным статусом), а обладает характеристикой качества / состояния, предопределяющей результат его действий.

Следующая разновидность родового статуса включает случаи *повышения* ранга субъектов. Так, повышение родового ранга субъекта фиксируется в пословицах с частицей *И*, например: *И дурак праздники знает, да будней не помнит*; *И пастух овцу бьет, что не туда идет* субъекты *дурак, пастух*; *И поп новину любит* и др. В данных пословицах в «первом приближении» референтный статус имен *дурак, поп, пастух* определяется как родовый: субъекты, выраженные нарицательными существительными в форме ед. ч., выступают как идеальные представители группы по интеллектуальным качествам / роду деятельности. Однако в пресуппозиции этих высказываний посредством частицы *И*, являющейся показателем неопределенного множества входящих в этот класс субъектов, актуализируется расширение субъектной группы до предельно открытого класса: *и пастух, и дурак, и скomorox ...* → любой, в том числе и названное лицо, которому обычно это действие не свойственно.

Еще одним механизмом, участвующим в повышении родового статуса субъектов, выступает кванторное местоимение *иной*: *Иной тем подсидит, что ловко (кстати) смолчит*. Данное местоимение, несмотря на свою принадлежность к разряду кванторных (обобщающих) слов, передает не универсальный, а родовый референтный статус субъекта. Это связано с тем, что лексема *иной* помимо указания на некоторое множество объектов (что характерно для всех кванторов) выражает также семантику «выделенности» объекта из актуального множества, которая «позволяет одновременно... подчеркнуть и особенность субъекта, и его типичность» [Шувалова, 2007, с. 75].

В пословицах *иной* обладает некоторой спецификой, поскольку представляет переходный случай между дискретной и недискретной референтной идентификацией субъекта. Так, формально *иной* представляет дискретно выраженный субъект, а семантически его референтный статус, как и в случае с недискретными субъектами, устанавливается главным образом с опорой на предикат, ср., например: (а) *Смотрит как волк на теля*; (б) *Иной стреляет редко, да попадает метко*. В данных примерах, несмотря на различия формы представления субъектов, их референтный статус эксплицируются посредством предиката, называющего их типичные свойства / качества как представителя группы (недоброжелатели, счастливики и пр.). Однако в пословицах (б) фиксируется большая генерализация родового статуса субъекта, поскольку субъектная номинация *иной* сигнализирует об открытости данной группы, т. е. ее участником может стать любой член из неопределенного множества, для которого характерно такое поведение: *Иной пляшет, иной плачет* → Есть люди, которые иногда пляшут, иногда плачут (подобная трансформация представляется возможной на основании установленного семантического соотношения кванторных наречий с кванторными словами *всякий – всегда, иной – иногда* и пр., подробнее см. [Падучева, 1989, с. 26–35]).

Итак, характер родовой референции субъектов в пословицах неоднороден: выявлены субъекты с типичным родовым обобщением (соотносимые, как уже было сказано, с ситуациями облигаторной квалитативности), а также случаи повышения и понижения их ранга. Отмеченное ранжирование субъектов позволяет установить другую (отсутствующую в типологии И. Н. Смирнова) разновидность вневременности – квалитативно-потенциальную, совмещающую классификацию субъектов по их групповой принадлежности и условие осуществления действия субъектами.

Представляется важным отметить, что существуют и другие факторы, влияющие на ранжирование степени обобщения субъектов в пределах универсального и родового референциального типа (например, показатели кратности действия, некоторые фреквентативные наречия и др.), однако они остаются в качестве перспективы исследования.

Заключение

Пословица относится к жанрам, специфическим свойством которого является высокая степень обобщения. Это обобщение касается и семантической категории временной нелокализованности, и референции субъекта. Вследствие этой особенности подобные тексты дают возможность охарактеризовать взаимодействие вневременности как средства темпоральной референции и субъектной референции, не только рассматривая влияние временной нелокализованности на тип субъекта, но и, напротив, поставив в центр внимания референциальный статус субъекта, уточнить оттенки вневременности, реализующиеся в каждом типе.

Существенным представляется выявление в пословицах и универсального, и родового референциального статуса субъекта, что свидетельствует об отсутствии жесткой закреплённости за вневременностью только одного из них.

Исследование также показало, что в пределах универсального и родового статусов существует внутреннее ранжирование субъектов. Их разграничение основывается как на характеристике субъектов (местоимений *всякий, все, никто*; существительного с обобщающим значением *человек* – для универсального ранга; существительных, называющих группы лиц по личным и интеллектуальным качествам, гендерно-возрастному признаку и др., – для родового), так и на их взаимодействии с различными семантическими типами предикатов, их распространителей.

Были установлены некоторые общие закономерности ранжирования в указанных типах: так, сужение границ референциального класса базируется на механизмах обусловленности.

При этом данные механизмы в универсальном и родовом типе работают по-разному, что связано с другими семантико-грамматическими факторами: дискретным / недискретным способом выражения лица, разными типами конструкций (простое / сложное предложение), односубъектностью / двусубъектностью, контролируемостью / неконтролируемостью действий субъектов. Кроме того, учитываются не только общеязыковые, но и специфические средства выражения условия (включенный предикат) и др.

Для родового статуса, в отличие от универсального, были выявлены случаи расширения границ референции субъекта, достигающиеся в том числе в высказываниях с субъектом, выраженным местоимением *иной*, и включением в высказывание частиц.

На основании перечисленных факторов можно констатировать, что в пословицах представлена многоуровневая иерархизированная система субкатегоризации референциальных статусов субъектов, позволяющая уточнить не только ранги субъектов, но и разновидности вневременности. Так, помимо внеременно-потенциальных, облигаторно-квалитативных ситуаций, отмечены квалитативно-потенциальные ситуации, совмещающие качественную характеристику группового субъекта и условие реализации действия.

Итак, характеристика референциальных статусов субъектов в пословицах требует многофакторного подхода, учитывающего целый спектр параметров, в том числе и взаимодействие с семантической категорией временной нелокализованности.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бондарко А. В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
- Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. М.: Ленанд, 2017. 352 с.
- Бондарко А. В.* Категоризация в системе грамматики. М.: ЯСК, 2011. 488 с.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
- Дьячкова Н. А.* Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. 259 с.
- Кацюба Л. Б.* Лицо глагола в русских пословицах. Семантико-грамматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Флинта, 2018. 213 с.
- Падучева Е. В.* Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48, № 1. С. 26–37.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
- Первунина С. И.* Способы референциального ранжирования субъектов в русских пословицах с формами второго лица единственного числа // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2024а. № 4. С. 50–58.
- Первунина С. И.* Особенности референции субъектов в русских пословицах с формами третьего лица // Вестник Том. гос. ун-та. 2024б. № 499. С. 41–48.
- Смирнов И. Н.* Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. СПб.: Наука, САГА, 2008. 160 с.
- Фролова О. Е.* Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: ЛКИ, 2007. 317 с.
- Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: ЯСК, 2002. 483 с.
- Шувалова И. Е.* Семантика русских местоимений. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 143 с.
- Linsky L.* Referring. New York: Humanities Press, 1967. 139 p.

Список источников

- Даль В. И.* Пословицы русского народа: Сб.: В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 433 с.; Т. 2. 449 с.

References

- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, LRC Publishing House, 1999, 896 p.

Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the system of grammar]. Moscow, LRC Publishing House, 2011, 488 p.

Bondarko A. V. Sub"ektno-predikatno-ob"ektnye situatsii [Subject-predicate-object situations]. In: *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* [Functional grammar theory. Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of an utterance. Certainty. Uncertainty]. St. Petersburg, Nauka, 1992, pp. 29–71.

Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, 2017, Lenand, 352 p.

Bulygina T. V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [Toward the construction of predicate typology in Russian]. In: *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 7–85.

D'yachkova N. A. *Polipropozitivnye struktury v sfere prostogo predlozhenii* [Polypositional structures in simple sentences]. Ekaterinburg, UrSU, 2001, 259 p.

Frolova O. E. *Mir, stoyashchiy za tekstom: referentsial'nye mekhanizmy poslovitsy, anekdota, volshebnoy skazki i avtorskogo povestvovatel'nogo khudozhestvennogo teksta* [The world behind the text: referential mechanisms of a proverb, joke, fairy tale, and author's narrative literary text]. Moscow, LKI, 2007, 317 p.

Katsyuba L. B. *Litsa glagola v russkikh poslovitsakh. Semantiko-grammaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [The person of the verb in Russian proverbs. Semantic grammatical and linguistic and cultural aspects]. Moscow, Flinta, 2018, 214 p.

Linsky L. *Referring*. New York, Humanities Press, 1967, 139 p.

Paducheva E. V. Narechie kak kvantornoe slovo [Adverb as a quantifier word]. *Izv. AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1989, vol. 48, no 1, pp. 26–37.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu: Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeny* [Expression and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI, 2010, 296 p.

Pervunina S. I. Osobennosti referentsii sub"ektov v russkikh poslovitsakh s formami tret'ego litsa [Peculiarities of Subject Reference in Russian Proverbs with Third Person Forms]. *Tomsk State University Journal*. 2024b, no. 499, pp. 41–48.

Pervunina S. I. Sposoby referentsial'nogo ranzhirovaniya sub"ektov v russkikh poslovitsakh s formami vtorogo litsa edinstvennogo chisla [Ways of Referential Ranking of Subjects in Russian Proverbs with Forms of the Second Person Singular]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024a, no. 4, pp. 50–58.

Smirnov I. N. *Vyrazhenie povtoryaemosti i obobshchennosti deystviya v sovremenom russkom yazyke* [Expression of repetition and generalization of action in the modern Russian language]. St. Petersburg, Nauka, SAGA, 2008, 160 p.

Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow, LRC Publishing House, 2002, 483 p.

Shuvalova I. E. *Semantika russkikh mestoimeny* [Semantics of Russian pronouns]. Kursk, Kursk State University Publ., 2007, 143 p.

List of sources

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: Sb.: V 2 t.* [Proverbs of the Russian people: Col.: In 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, vol. 1, 433 p., vol. 2, 449 p.

Информация об авторах

Светлана Ивановна Первунина, аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Svetlana I. Pervunina, Postgraduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 29.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 16.09.2024
The article was submitted on 29.06.2024;
approved after reviewing on 16.09.2024; accepted for publication on 16.09.2024*